

Он говорил с невозмутимым лицом, и если бы я не видел этого своими глазами, то, пожалуй, принял бы его слова за чистую монету.

В душе я его всячески поносил, внешне же сохранял невозмутимость:

— Я слышал, ты проявил себя в битвах в Инчжоу, мастерски применяя тактику заманивания врага. Раз уж ты так хорошо усвоил военную науку, нечего себя недооценивать. Но если хочешь углубить познания, можешь изучить утраченные свитки «Тяньшу», написанные рукой основателя династии. Это будет весьма полезно.

Сяо Ду кивнул, поднял один из свитков и с деловитым видом спросил:

— Дядя, ты имел в виду этот?

Я уже было поднялся, но, увидев, как он разворачивает свиток прямо передо мной, мне пришлось снова сесть. Текст был испещрён мелкими клинописными знаками. Я нахмурился и рассеянно пробежался глазами по странице. Утраченные фрагменты были аккуратно восстановлены на пергаменте, недостающие иероглифы дописаны, и всё это выглядело логично и уместно. Внутри всё похолодело.

Надо понимать, эта клинопись — древний язык, бывший в ходу до основания царства Мянью. Изучать его позволялось лишь наследникам престола. Но за всю историю едва ли единицы могли по-настоящему в нём разобраться. Я, при всём своём природном уме, понял от силы шесть-семь частей из десяти. А этот волчонок не только вник, но и самостоятельно восстановил утраченные столетия назад части «Тяньшу»?

Теперь ясно, почему в своей первой же битве он действовал словно ведомый высшей силой.

Он и вправду наделён необычайным даром.

Видя, что я молчу, Сяо Ду принялся сворачивать свиток. Я поспешно схватил его за запястье. Мне было неловко просить, но любопытство грызло нестерпимо — так хотелось рассмотреть восстановленный текст повнимательнее. В конце концов я спросил:

— Дуэр, я давно не перечитывал «Тяньшу», многое подзабыл. Дай-ка я посмотрю?

Я нарочно сделал голос как можно мягче, уверенный, что он не откажет. Так и вышло: Сяо Ду на мгновение задумался, а затем протянул мне свёрток:

— Дядя, зачем так церемониться? Между нами и речи не может быть о каком-то «дай посмотреть».

Я тут же спрятал «Тяньшу» в рукав, уже предвкушая, как погружусь в чтение в своих покоях. Но Сяо Ду вдруг воскликнул, будто что-то вспомнив. Я удивлённо взглянул на него. Он постучал себя по лбу, словно не решаясь говорить.

— В чём дело? — спросил я.

Сяо Ду помолчал, затем сказал:

— Дядя, возможно, ты не знаешь, но смог я восстановить эти фрагменты благодаря странному сну несколько месяцев назад. Мне привиделось, как некто записывает именно эти строки. Память у меня неровная, и работа ещё не закончена. Если дядя, прочитав то, что я

восстановил, не сочтёт это полной нелепицей, — пришли за мной, и я продолжу.

Неужели основатель династии явился ему во сне?

Значит ли это... что ему суждено стать истинным Сыном Неба для царства Мянью? А что тогда будет со мной?

От этих мыслей сердце упало. Я рассеянно поднялся, наступил на выскользнувший из рукава свиток, пошатнулся и едва не рухнул. Сяо Ду подхватил меня, и я оказался у него на коленях, лицом к лицу, сбив его с ног. Свиток с непристойными картинками раскрылся, и изображённая там поза поразительно напоминала нашу.

А рядом красовались три крупных иероглифа: «Поза свадебного поклона».

Я не смог скрыть смущения. Сяо Ду же лежал неподвижно, лишь произнёс:

— Дядя, смотри под ноги.

Мной овладели ярость и стыд. Голос сорвался, стал резким и громким:

— Ты что, одурел? Помоги мне подняться!

Сяо Ду скользнул взглядом вниз и ответил хрипло:

— Дядя, если ты не встанешь... как же я поднимусь?

Тут до меня наконец дошло. Собравшись, я опёрся на стол, поднялся, подобрал «Тяньшу» и, не удостоив Сяо Ду взглядом, фыркнул и удалился.

Сяо Ду оказался тактичным и не вышел проводить, лишь распорядился, чтобы слуги проводили меня до паланкина.

Перед тем как занавески опустились, я мельком увидел в дальнем конце галереи, ведущей к покоям других принцев, неподвижную фигуру в кресле. Казалось, он наблюдал оттуда уже долгое время.

Это был Сяо Юй.

Я знал: он замышляет месть. Мне нужно было нанести удар первым.

Эту ночь я целиком провёл за изучением восстановленного Сяо Ду текста «Тяньшу» и заснул лишь под утро. Но и во сне мысли не отпускали, и я всё больше склонялся к мысли, что он и вправду получил знание через сон от прародителя. Столь глубокие и точные суждения были не по силам шестнадцатилетнему юнцу. Это было непостижимо.

В нём я увидел угрозу, пожалуй, даже большую, чем в Сяо Лане.

Возможно, мне стоит не отдаляться от него, а, напротив, попытаться привязать к себе ещё крепче.

Обняв «Тяньшу», я с тяжёлыми мыслями закрыл глаза и проспал до самого вечера, когда меня разбудил Бай Ли.

Издали донёсся барабанный бой, возвещающий о прибытии высокого гостя.

— Кто это с такой помпой? — спросил я.

— Ваше Величество, это Ван Усе из царства Чи. Сегодня вечером князь Пинлань выходит на «Небесной ладье» ему навстречу. Все принцы и сановники будут там, и вам никак нельзя отсутствовать. Ван Усе известен своей спесью, если вы не явитесь, это лишь распалит его самомнение.

Бай Ли знал о моём прошлом противостоянии с Ван Усе в долине Волчьих Клыков. Тогда я, молодой и дерзкий, с пятью сотнями отборных всадников наголову разбил двухтысячное войско Чи, основательно умерив пыл этих варваров.

И вот теперь тот самый Ван Усе, которого я когда-то разгромил, въезжает в столицу царства Мянью как почётный гость и, возможно, даже с намерением заключить союз. Как я мог не встретиться с ним?

— Ты в последние дни видел У Ша? — спросил я, поднимаясь и позволяя Шунь Дэ облачать себя.

— Я продолжал следить за ним, несколько раз сталкивался. Но его мастерство слишком высоко, взять его не удалось. — На лице Бай Ли мелькнула досада, но в голосе слышалось невольное уважение. — Однако, кажется, у него и вправду нет враждебных намерений. В прошлый раз он случайно ранил меня, а в этот — намеренно поддался, позволил мне ранить его и даже вручил отменное лекарство.

С этими словами он достал чёрный парчовый мешочек. Внутри лежала кроваво-красная пилюля.

— Я отдал её на проверку лекарям. Они подтвердили: сделана из женьшеня волчьей крови, яда нет, а пользы много — заживляет раны, укрепляет тело, даже от множества ядов помогает. Ваше Величество, вы не очень крепки здоровьем, возьмите на всякий случай.

Я взял мешочек и сунул за пазуху, прищурившись:

— Даже ты считаешь, что я слабак?

— Не смею! Просто...

— Ладно, я не в обиде. Твоя преданность меня трогает.

Бай Ли кивнул:

— Но с этим снадобьем есть запрет: его ни в коем случае нельзя принимать с вином, иначе оно станет смертельным ядом.

— Понял. Запомню.

Я подошёл к зеркалу, указал на верхнюю одежду и позволил Шунь Дэ накинуть её на меня. Хотя я и был низложенным императором, но носил титул Верховного императора, поэтому выбрал лазурный халат с золотой вышивкой в виде дракона — выглядел достойно, величественно, но не затмевал Сяо Лана. Напоследок я взял веер, чья рукоять была украшена перьями белого павлина, добытого мной на охоте за границей.

После отречения я редко одевался с такой пышностью, и, когда вышел из паланкина, на меня

устремились взгляды придворных.

«Небесная ладья», стоявшая у берега канала, сверкала и переливалась огнями, её огромные паруса напоминали облака. Взгляд затуманился, и я на миг перенёсся в прошлое, вспомнив, как в детстве плывал на юг на корабле вместе с отцом и братьями.

То было редкое время, когда наш сложный и многочисленный клан Сяо жил в согласии.

Пока я предавался воспоминаниям, в поле зрения возник знакомый силуэт.

Высокий, худощавый, с изящными чертами лица. Один глаз закрыт повязкой, отчего он смахивал на морского разбойника.

Я замер, не ожидая встречи, но он уже шёл ко мне.

Это был не кто иной, как мой младший брат, князь Наньяо Сяо Шунь, сосланный в Инчжоу.

— Шестой брат, давно не виделись. Как поживаешь?

Я улыбнулся, хотя внутри всё перевернулось:

— Седьмой брат... Какой ветер занёс тебя из Инчжоу?

Единственный глаз Сяо Шуня блеснул:

— Я отличился в инчжоуской кампании, и император вернул меня ко двору. Разве шестой брат не в курсе?

— Видно, я совсем отстал от новостей, — пробормотал я.

Мои слова потонули в громе церемониальной музыки. Раздался возглас:

— Император прибывает!

Я отошёл в сторону вместе с Сяо Шунем. Мы наблюдали, как паланкин Сяо Лана поднимают на борт «Небесной ладьи», после чего и сами поднялись по трапу.

Это плавание сулило быть беспокойным.

После того как Сяо Лань поднялся на верхнюю палубу, члены императорской фамилии и высшие сановники по рангу последовали за ним и заняли свои места.

<http://bllate.org/book/15952/1426363>